

Неуловимая, как луч, необъяснимая, как тайна
О поэзии Николая Рубцова

Третьего января 2006 года Николаю Михайловичу Рубцову исполнилось бы семьдесят лет, а девятнадцатого января 1971-го он ушёл из жизни. Тридцать пять лет его нет с нами. С удивительной точностью, месяц в месяц судьба разделила его семидесятилетие на две равные части – до и после кончины. В первое тридцатипятилетие поэт творил, издав всего четыре небольших книги. Во вторую половину его жизни, не физической уже, но духовной, вышло в свет десятка два, если не больше, его поэтических сборников. Жизнь поэта после смерти продолжается – в книгах, которые всё идут и идут к читателям, в песнях, написанных на слова его мелодичных, задушевных стихотворений.

Говорят, большого поэта делает большая тема. У меня же своё представление, по которому поэт, способный обрести всенародное признание, представляет собой, своим творчеством, дерево с мощной корневой системой. Чем глубже уходят корни в почву, т.е. в жизнь, тем мощнее древо поэзии. Различные по глубине почвенные слои питают его корни. Первый слой – малая родина. Это впечатления, с детства запавшие в душу: берёза под окном избы, роща за околицей села, за рощей – поле...

Дальше – глубже. Уже родина не малая – Родина с большой буквы, Отчизна с её прошлым, настоящим и будущим, где лирический герой поэта – не случайный прохожий. Ещё глубже – Земля, «планета людей». И, наконец, Вселенная, беспредельность, вечность...

Корни древа поэзии Николая Рубцова пронизали все почвенные слои. В стихах его оживает и «тихая родина», любимая до слёз, несмотря на «скудную природу» и горестную судьбу. Родина, с которой он чувствует «самую жгучую, самую смертную связь», день её – настоящий и прошедший, народ, обживающий в веках эту землю с её полями, лесами, болотами...

Феноменальность Николая Рубцова мне видится в том, что он ощущает себя живой клеточкой того огромного многовекового организма, который называется – русский народ, каким-то чудом, может быть, через нейроны любви и сыновней привязанности, он сумел восстановить межклеточные связи с этим организмом, и в нём очнулась генная память народа, воскрешающая вчерашний день родины – с его «жгучей тайной» «в звёздной ночной красоте», с бубенцами, звенящими в задремавшем бору, со счастьем «родиться, как ангел, под куполом синих небес», с неопишуемой красотой, потому что она прикипела к сердцу:

О, вид смиренный и родной!
Берёзы, избы по буграм
И, отражённый глубиной,
Как сон столетий, Божий храм.

.....
Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён...

Прошедший день родины, отдалённый от нас веками, поэт ощущает как протяжённый на отрезке собственной судьбы, поскольку большой круг кровообращения его лирики проходит через прошлое – настоящее – грядущее целого народа, к которому он принадлежит и с которым слит неразрывно. Помимо того, что в глуби веков остались невосполнимые духовные ценности, бесконечно дорогие сердцу поэта, есть, как мне кажется, и лежащая на поверхности причина, заставляющая его с любованием и тихим восторгом воскрешать картины старины: человеку свойственно идеализировать то, что осталось в прошлом, к чему нет возврата, питать к нему ностальгические чувства...

В то же время, взглядываясь в облик современной ему деревни Рубцов далёк от идеализации реалий сиюминутной жизни. Здесь он узрит и «фальшивую колоду» («четыре туза и четыре причудливых дамы») из числа людишек, которые «снуют,

считают рублики» и в том находят смысл жизни, и злющих старух, что, как назойливые мухи, не дают покоя ему, прибившемуся на время к их подворьям; а случайному страннику так никто и не откроет двери («Бродяга... наверное, вор!») – и он гибнет в пути неведомо куда («Неизвестный»). Заглянув в жилища, как ему представляется, «лучших людей», поэт в одном из них обнаруживает Филю... Это стихотворение – «Добрый Филя» – вызвало в своё время противоречивые суждения в критике, хотя на первый взгляд оно проще простого. Однако, не поняв подлинного отношения автора к данному им типу из народа, мы не поймём и самой трактовки им темы народа (тематическое деление, понятно, условно), которая явлена как наиважнейшая составляющая творчества Николая Рубцова. Поэтому есть смысл привести здесь фрагмент этого стихотворения:

Там в избе деревянной,
Без претензий и льгот,
Так, без газа, без ванной,
Добрый Филя живёт.
Филя любит скотину,
Ест любую еду,
Филя ходит в долину,
Филя дует в дуду.
Мир такой справедливый,
Даже нечего крыть...
– Филя, что молчаливый?
– А о чём говорить?

«Ироничные, умные, грустные стихи», – пишет критик Василий Оботуров в своей книге, посвящённой жизни и творчеству Николая Рубцова «Искреннее слово» («Советский писатель», 1987 г). Там же критик приводит и другие суждения. Для Ал. Михайлова это стихотворение «по строю своему как-то отдалено во времени от нас, не вписывается в атмосферу сегодняшнего дня» (с чем В. Оботуров не согласен, и это его мнение нельзя не разделить). А вот в понимании В.Перцовского Филя несёт в себе «полноту бытия». Так ли это?

Если внимательно проанализировать образную систему поэта, становится совершенно очевидно, что только за духовным утверждает поэт плодотворное творческое начало в жизни, а определяющим опознавательным признаком духовного для него является «способность к разговору». То есть способность внимать, сочувствовать, сопереживать. И не случайно одухотворяемая силой лирического переживания поэта природа лексически наделена им атрибутами словесной, речевой принадлежности. В ночи, озарённой сиянием месяца, ему «слышится пение хора», «жалобно в лесу кричит кукушка», о ветре сказано: «всхлипывал, словно дитя», облака «плывут, как мысли», огонь в печи «перекликается» с дождём...

Нет, не может быть «полноты бытия» для автора там, где человек живёт в природе лишь внешне, духовно отъединённый и от природы и от других людей жизнью (а это случается даже в том случае, когда он, как Филя, «любит скотину» и «дует в дуду» – вроде бы как эстетическая потребность, но и она тут присутствует в дремучем, неразвитом состоянии).

Более того, существо бессловесное, не мыслящее и не чувствующее, внушает поэту некое подобие допотопного страха, как существо непредсказуемое и враждебное. Именно так происходит в стихотворении «Вечернее происшествие»:

Мне лошадь встретилась в кустах.

И вздрогнул я. А было поздно.

.....

...Зачем она в такой глуши

Явилась мне в такую пору?

Мы были две живых души,

Но не способных к разговору...

В бессловесном мимолётном столкновении человека и животного, когда они переглядываются «жутко так, не до конца», четвероногое создание уже как бы и не лошадь вовсе, извечный спутник и помощник селянина, но какой-то устрашающий фантом, заставляющий автора прийти к выводу:

диалог любопытствующий прохожий. И с первых же слов выясняется, что старику в этой жизни «попало, как надо». Собеседник, похоже, не из тех, кто всю жизнь отмалчивался, сидя на печи, и сразу становится небезразличен автору. Беседа продолжается в содержательно серьёзном плане:

– Так что же нам делать? Узнать интересно...

– А ты, – говорит, – полюби и жалей,
И помни хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...

– Ну, ладно! Я рыжиков вам принесу...

Очень знаменателен (что верно подмечено у В.Оботурова) этот переход со стороны автора в разговоре с несколько панибратского «ты» на уважительное, предполагающее некоторую дистанцию обращение на «вы».

Собеседник для него уже не простой пастух, но истинный доморощенный философ, что называется, от земли и от сохи, который свои житейские прописи вывел не из книг и отвлечённых умозаключений, но из самой жизни, из взаимоотношений с другими, такими же, как он сам людьми. «Полюби и жалей...». Как это просто и вместе с тем глубоко сказано! Это, по сути, формула подлинно человеческого счастья. Просветлённым уходит молодой собеседник от старика, как человек, открывший необходимую для него истину...

И сколько искреннего, сердечного чувства вкладывает поэт в своё благодарение тебе, скромный русский огонёк,

За то, что с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

Растроганность поэта происходит из внезапного чувства осознания того, что не иссякло в людях исконно русское радение «за други своя», без которого и нет вовсе народа как единосущности, но есть только лишь народонаселение.

Вот почему «звезда полей» Николая Рубцова «горит, не угасая, для всех тревожных жителей земли». Это всё тот же русский огонёк, но уже во всесветном измерении. Погаснет он – и тотчас словно бы лишится мир, погрузившийся во тьму, своего и человеческого и божественного начала, а сама жизнь заблудится в том мраке. Потому и читатель рад повторять вслед за автором эти слова признания:

...И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

Поэтический мир Николая Рубцова велик и многомерен. Знакомство с ним принесло мне первое посмертное издание, которым явился сборник лирических стихотворений «Зелёные цветы», выпущенный издательством «Советская Россия» в 1971 году, сразу же после трагической кончины автора. Не скажу, что эта книжечка в скромном серо-голубом бумвиниловом переплёте произвела на меня тогда безоговорочно впечатление, адекватное уже утвердившейся за автором славы талантливому лирику. Стихи новой восходящей звезды обескураживали своей простотой. Позже, ознакомившись с суждениями критиков о творчестве Николая Рубцова, я поняла, что некоторые из них за этой внешней простотой, поспешив с оценками, поначалу не увидели подтекста, который лично мне, как читателю, интересен и теперь, по прошествии стольких лет.

В том-то всё и дело, что в поэзии Н.Рубцова, выражаясь его же словами, не «всюду достанешь шестом», вернее – почти всюду не достанешь. И глубина её адекватна способности проникновения в неё читателя. Оттого и иные строки, тебя ничем особенно не задевавшие ещё несколько лет назад, вдруг отзовутся живым чувством, поскольку ты сам успел уже кое-что пережить ранее тобой не изведенное...

Загородил мою дорогу
Грузовика широкий зад.
И я подумал: «Слава Богу,
Дела в селе идут на лад»...

Стихотворение это так вначале и воспринимаешь – как удовлетворённость автора по поводу устроившейся и устоявшейся, наконец, жизни села. Радуйся и ты, читатель тому, что «Теперь в полях везде машины.//И не видать плохих кобыл». Но при чём же тут «горький» и «унылый» дух крушины? И слово-то какое – не от *крушиться* ли? Да и «Грузовика широкий зад» как-то уж слишком нарочито и назойливо возникает как бы перед самым носом лирического героя... Нет, что-то здесь не то, не до радости человеку там, где «Не слышно праздных разговоров, // «Не видно праздного лица». Какая-то печать угнетённости лежит на всём, контрастируя с мажорной вроде бы установкой автора, повествующего о жизни современной ему деревни. И вдруг понимаешь: деревне, а вместе с нею и её певцу, не до хорошего! «Идут, идут обозы в город // По всем дорогам без конца...». Хлебные реки, самое главное достояние крестьянина, текут мимо его натруженных рук. Как было всегда, как остаётся теперь...

Но то уже, мои читатели, собственные домыслы – поэт *не говорил об этом*. Поэзия Николая Рубцова, на мой взгляд, интересна вдумчивому, внимательному читателю ещё и своим подтекстом, содержанием, которое он должен дополнить и домыслить сам. Ведь произведение писателя и читатель – это как бы два полюса, между которыми пульсируют энергетические токи. Читателя в процессе чтения, как и писателя при работе над произведением, ждут художественные открытия, обращающие постижение смысла прочитанного в процесс творчески напряжённый и созидательный.

Думаю, даже если бы идеологические установки, господствовавшие в обществе в те времена, и позволили ему сказать открыто обо всём, Рубцов не кинулся бы с опущенным забралом в стихотворную публицистику: не дело поэта – исследовать химический состав воздуха, которым он дышит вместе со своими современниками, – для него достаточно дать почувствовать самую атмосферу, пропустив её через собственные задыхающиеся лёгкие и колотящееся сердце. Под тонким, прозрачным покровом лирики Николая Рубцова сердце поэта содрогается от сострадания, сжимается от боли, томится в

светлой печали, судорожно бьётся в путях внутренней несвободы...

Есть у Рубцова стихи грустные, угрюмые, есть даже страшные – по своей человеческой сути. Таково для меня стихотворение «Полночное пение». На первый взгляд это обычная широко распространённая бытовая сценка, одна из тех, которые сплошь и рядом разыгрываются испокон веков на Руси:

Когда за окном потемнело,
Он тихо потребовал спички
И лампу зажжёт неумело,
Ругая жену по привычке.
И вновь колдовал над стаканом,
Над водкой своей с нетерпеньем...

Герой стихотворения пьёт и ...поёт. Поёт, несмотря на боязливые уговоры жены: «Не надо! Ведь слышат соседи». И самое это полночное пение воспринимается как нечто недозволенное, протестное как будто голос души человека из полузадушенного состояния рвётся на волю, сметая с пути все запреты: «Он грозно вставал, как громила, //– Я пью, – говорил, – ну и что же?». Впечатление от полночного пения такое, как будто человек надел смертную рубаху, и ему уже всё едино...

Как личная жизнь лирического героя Н.Рубцова, так и жизнь окружающих его людей, судя по всему, далеко не безоблачна. И в то же время признание поэта «Я люблю судьбу свою, // Я бегу от помрачений» – это, похоже, его не только жизненное, но и художническое кредо. Поэт приходит в мир, чтобы из безликого житейского материала, без мысли и без образа, сотворить свой собственный микрокосм, упорядоченный и облагороженный его пытливой ищущей мыслью и предельно искренним, чистым и сострадательным ко всему живому чувством. И вот на глазах читателя рождается чудо перевоплощения: из дисгармонии, хаоса мира поэт извлекает гармоничные звуки, волшебные краски, возвышаясь над бытом до бытийности, до светлой, божественной радости духовного озарения:

Меж болотных стволов красовался восток огнеликий...
Вот наступит октябрь – и покажутся вдруг журавли!
И разбудят меня, позовут журавлиные крики
Над моим чердаком, над болотом, забытым вдали...

С каждым новым штрихом под пером художника слова во всей полноте возникает живописное эпическое полотно, которое бесконечно волнует взволнованностью самого поэта, творца этой красоты. Строки стихотворения – протяжные и певучие, как прощальные крики журавлей, широкие, как взмахи их крыльев. В их поднебесном рыдании – «и забытость болот, и утраты знобящих полей». А уподобление пения и полёта «гордых прославленных птиц» древнему сказанию выводит личностное переживание лирического героя на высоту художественного обобщения, объединяя в этой светлой печали и даль и близь, небесное и земное, все души людские, провожающие в полёт «высоких своих»...

Я рискую тут оказаться не понятой – прямо по А.Блоку, который предупреждал, что чем больше в поэтическом произведении «элементов искусства, тем в более смешное положение попадает критик, его «толкующий». Да, Рубцов, которому поначалу иные критики отказывали в «искусности», чрезвычайно сложен для толкования! Здесь годится разве что язык намёков, приблизительности. Природа поэзии Николая Рубцова такова, что искусность в ней неуловима, как солнечный луч, необъяснима, как тайна...

...За окнами воеет вьюга, нам, ребятишкам, никак не согреться в холодной постели. И вот мы поочередно бегаем к печке, каждый со своей подушкой. Прижмёшь её к горячим, в извёстке, кирпичам, постоишь-постоишь вот так и – бегом в постель под одеяло! Какое неизъяснимое блаженство дарил нам этот комочек тепла из горячего чрева русской печи!

Нечто схожее с этим давним детским впечатлением испытываю я каждый раз, когда беру в руки уже изрядно потёртую на уголках книжечку со стихами своего любимого поэта. Она для меня что-то вроде энергетического сгустка духовного тепла и света, от которого согревается и наполняется

благостным озарением душа, изрядно нахолодавшаяся на ледяном ветру нашего времени.

Как ни трагична судьба поэта, жизнь в конечном итоге и в этом случае торжествует над небытием. И здесь оказался прав поэт в своём предвидении, не пожелав согласиться с мыслью о конечности земного бытия человека:

...Это кажется мне невозможным,
Всё мне кажется – нет забытья!
Всё я верю, как мачтам надёжным,
И делам, и мечтам бытия.

Читая эти строки, я думаю о том, как нужна такая вот непоколебимая вера в жизнь человеку в современном нам мире, пославшем новые, невиданные доселе испытания на прочность человеческому духу.

О поэзии Николая Рубцова и Андрея Белого

Истинная поэзия во все времена была отображением, глубиной духовной жизни целого общества, эпохи. Русские поэты для России всегда были выразителями её души, её надежд, её боли и в то же время вдохновенного полёта в будущее. Писатели были объединителями духовного сознания нации, воплощая в себе высочайшие образы русской культуры. В любом произведении большого художника всегда ощутима его личность.

Одно из самых привлекательных явлений в нашей литературе – поэзия Николая Рубцова. Мало кому из поэтов удалось сказать о себе столь просто, убеждённо и пророчески: «И буду жить в своём народе», сказать не в поэтическом запале, но всем складом и духом своего творчества.

Древнерусские зодчие отлично понимали мудрую истину, что величина не есть величие... Природа народности творчества Рубцова в этих же истоках.

Как было отмечено: «Н.Рубцов вошёл в литературу в то памятное «громкими» именами время, когда о лучших традициях русской классической поэзии напоминали скорее используемые в стихах имена Пушкина, Пастернака, Блока, нежели сам дух, сам смысл стихотворства многих из современников Рубцова; когда бездуховность «ультраמודных» приёмов, рифм и ритмов выдавалась и принималась порою за неоспоримые достоинства и даже подлинно поэтические ценности.

Чуткий ко всему истинному талант Рубцова уже с самых истоков противостоял завлекающей моде того времени. Поэзия Рубцова была живым ручательством необходимости и возможности достижения народности.

Имя Николая Рубцова стало, по существу, синонимом того поэтического явления, которое подготовило в сознании читателей переоценку ценностей, напомнив о бессмертии традиций отечественной поэзии.

В нём соединились столь естественно и столь родственно поэтическая искренность, природность таланта с осознанной необходимостью овладения высоким профессионализмом; органическое чувство народности с причастностью к классическим традициям культуры. Именно в этом одна из важнейших основ непреходящей значимости творчества Рубцова как явления общественного, общенационального.

Творческий путь Н.Рубцова, его поэтическая судьба во многом и в главном отразили существо духовного, нравственного становления целого поколения. Народность, историчность, патриотизм, его мироощущения общезначимы. И в этой органическом слиянии личного и общенародного в поэзии Рубцова есть залог будущего социально значимого противостояния нравственному релятивизму.

Своё отношение к поэзии Николай Рубцов выразил словами: «И не она от нас зависит, а мы зависим от неё». Для Николая Рубцова как поэта была характерна связь с самой природой, ветром, вьюгой, дождём, вызывающими в его душе отклик чувств – мирных, тревожных, вплоть до трагических предчувствий..., так же как от «звезды полей», от красоты родной земли он шёл к Вифлиемской звезде, к нравственным ценностям...

Можно только преклоняться перед безусловной подлинностью его поэтического мироощущения, перед самородностью его ритма:

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои...

В этом как раз и проявилась сила его таланта – попросту, «выражаясь душой», естественно, словно без всякого «искусства» выразить ту сокровенную суть человека, которая и составляет истинную основу поэзии».

Поэзия Рубцова довольно определённо связывается с музой Есенина. Отзвуки есенинской лирики, есенинской образности действительно слышны у Рубцова. Но это было не подражание, а национальное сродство творчества. Тут Есенин в чём-то помог младшему собрату, в чём-то поддержал, утвердил его. В не меньшей степени, чем Есенин, Рубцова в чём-то поддержал, утвердил Александр Блок.

В одном из разговоров с Н.Н.Сидоренко, на курсе которого в Литинституте учился Н.Рубцов, он его спросил «назовите любимых поэтов». Николай Рубцов твёрдо ответил: «Пушкин, Блок, Есенин», – и подчеркнул: «Из них Блок». По воспоминаниям друзей, по записям в дневнике семинара в Литинституте, по рубцовой лирике очевидно, что он сильно увлекается Блоком: цитирует стихи, ссылается на творческий опыт, наконец, отмечает, что в произведениях его сокурсников нет «тайны жизни», а без неё и без достоверности чувств нет поэзии. Особенный отклик находило у Рубцова такое важное высказывание Блока: «Действие света и цвета освободительно. Оно улегчает душу, рождает прекрасную мысль». Это совершенно иной взгляд на искусство поэтического слова, чем тот, с которым Рубцов пришёл в институт. В то время, когда Блок был кумиром для младшего поколения поэтов, их личное вхождение в литературу осмысливается как путь к родной земле, как новое открытие для себя Родины, любовь к России.

И я молюсь, – о, русская земля! –
Не на твои забытые иконы,
Молюсь на лик священного Кремля
И на его таинственные звоны...

Читая эти стихи, можно убедиться в том, что идеи Блока о провиденциальной роли России оказали самое серьёзное влияние на талантливейших поэтов и, конечно, на Николая Рубцова.

Новый способ эстетического переживания истории и самой нашей современности, присущий Рубцову, сформировался, в первую очередь, под воздействием Блока, а затем уже Тютчева и Есенина.

Язык поэзии Рубцова – язык особенный. Егор Исаев назвал «углублённым звуком и о многом говорящей паузой», поэзию Рубцова, язык которой не сводится к образам и словам, а лишь создаётся с их помощью, на их основе.

Если мы обратимся к анализу начальных первых строк стихотворений Николая Рубцова, то заметим, что первые строки представляют собой самостоятельное целое, имеют глубокий смысл:

Тихая моя родина!
В горнице моей светло.
О чём писать? На то не наша воля!
Короткий день, А вечер долгий.
Идёт старик в простой одежде.
Мы сразу стали тише и взрослей.

Приведённые начальные строки стихов Рубцова замечательны своей естественностью, они словно выдохнуты, без усилий выхвачены из творческого сознания поэта. В творчестве Рубцова наблюдается пристрастие к повторяющимся образам. Таковы образы звёзд, дождя, дорог, ромашек, лунного света и т.д.

Эти образы нередко символичны у Рубцова; завядшие «красные цветы – мой символ утраченных юношеских надежд, поздние георгины олицетворяют глубокую осень в жизни человека; лодка, догнивающая на речной мели, осознаётся как образ необратимо уходящего времени».

Н.Рубцов появился на свет спустя два года после ухода из жизни Андрея Белого, писателя-символиста, поэта серебряного века, прозаика, философа, мемуариста, жившего на рубеже двух столетий.

Несмотря на то, что талант Белого был щедр и многогранен, его творчество было резко индивидуально, неповторимо, уникально, писатель долгое время был практически забыт,

произведения его десятками лет не издавались, несколькими поколениями его творчество вообще не известно. Лишь в 90-е годы прошлого столетия его произведения были переизданы и стали доступны для читателя. В своё время Бердяев назвал Белого, величайшего модерниста русской литературы, «самым значительным писателем последней литературной эпохи, самым оригинальным создателем новых поэтических форм и ритмов».

А.Белый был единственным создателем «Симфоний» – прозаических произведений, написанных по законам музыкальных сочинений. «Симфонии» Белого – не просто попытка внедрить музыкальный строй в словесную ткань поэтических композиций, но и использовать принципы симфонизма с контрапунктом и переплетением лейтмотивов, передачей сложности жизни в широком её охвате, в ритме, нащупывающем пульс времени.

В стихотворениях Белого как поэта-символиста на всё наброшен особый флёр: каждое существенное слово, каждый образ как бы обвит, овеян вторым, неземным смыслом. Любовь к шаржу, гротеску или, как он сам выражался, ко всему карикатурному и каламбурному сопутствовала Андрею Белому всю жизнь. Скептическая нота уживалась в его произведениях с неистовыми лирическими взрывами.

В поэтическом сборнике А.Белого «Золото в лазури» видна особая чуткость автора к фонетической стороне стиха, игре звуками. Молодой тогда поэт нашёл новые ритмы, прибегая к особой акцентировке отдельного слова, ставя его в самостоятельную строку. Контрастные столкновения пафоса, иронии и чистой лирики вели к перебоям ритма, к свободному стиху. Этот свободный стих и другие новшества Белого производили большое впечатление на всех поэтов начала XX века.

Выше отмечено, что Рубцов любил поэзию Блока, часто обращался к его стихам. Можно предположить, что обойти творчество Белого Рубцов никак не мог. У поэтов Рубцова и Белого много общего.

Наблюдая как у одного, так и другого музыкальность, мелодику, ритм, рифму, понимаем, что это не внешние покровы

стиха, но тонкие художественно- идеологические формы, через которые и только благодаря которым сокровенные основы мироотношения, нравственность духовная и гражданственная содержательность могут выявиться и осуществиться.

Их роднит лирическая поэзия, сравнимая с музыкой, что делает стих напевным.

У Рубцова: В горнице моей светло.
                                 Это от ночной звезды.
Матушка возьмёт ведро,
Молча принесёт воды...

У Белого: Задымят сырые росы
                                 Над сырой травой.
Заплетает девка в косы
Цветик полевой.

Их не может не волновать: человек в его историческом бытии, вечная жизнь природы, преклонение перед прекрасной дамой, любовь к родине, России.

Мир поэзии Рубцова просторен и светел, холодноват и чуть призрачен. Тема любви у Рубцова во всём, любовь поэта к Родине никогда не декламируется, она потаённая.

Чудный месяц горит над рекою,
                                 Над местами отроческих лет.
И на родине, полной покоя,
                                 Широко разгорается свет...

«Россия, Русь, храни себя, храни!»

А.Белый пишет сам о себе: «Одна из особенностей моих как писателя коренится в привычке, усвоенной в юности; я более слагал свои тексты, чем писал их за столом... Главенствующая особенность моих произведений есть интонация, ритм, пауза дыхания, передающие жест говорящего. Я или распевал в полях свои стихотворные строчки или их бросал невидимым аудиториям: в ветер. Я стал скорее композитором языка, ищущим

личного исполнения своих произведений. Отсюда трудность для читателей воспринимать меня...».

В стихотворении «Россия» у Белого читаем:

Века нищеты и безволя.
Позволь же, о родина-мать,
В сырое, пустое раздолье,
В раздолье твоё прорыдать...

Другое стихотворение «К Родине»:

...Из моря слёз, из моря муки
Судьба твоя видна, ясна.
Ты простираешь ввысь, как руки
Свои святые имена.

«Мать, Россия! Тебе мои песни...», восклицает А.Белый.

Поэзия Андрея Белого удивительно музыкальна. Ещё в 1908 году Н. Метнер написал музыку на его стихи «Эпитафия». В сборнике «Пепел» оно названо «Друзьям» с посвящением Н. Петровской:

Золотому блеску верил,
А умер от солнечных стрел.
Думой века измерил,
А жизнь прожить не сумел...

Не случайно композиторы нашего города В.Бохан и Р. Бажанов написали музыку на стихи А.Белого. У В.Бохана выпущен альбом «Объяснение в любви», включающий в себя семь музыкальных произведений на стихи А.Белого, посвящённый 125-й годовщине со дня рождения поэта.

В кратком повествовании о поэтах Рубцове и Белом невозможно отразить подробно их поэтический мир. Их наследие бесценно, их стихи западают в душу, заставляют думать. Лучшие их стихи останутся в истории великой русской поэзии, доставляя немало мгновений приобщения к вечному и прекрасному.

О национальном в лирике Николая Рубцова

Национальный -- связанный кровными, духовными узами со своей нацией, со своими предками, со своим народом. Согласно определению проф. В.Ю.Троицкого, национализм – это «благодарная дань прошлому своего народа, способности благоговейно ощущать своё настоящее родство с ним и истинное сознание ответственности за его будущее».

Определяя, что является составляющей национального чувства Николая Рубцова, вспомним слова современника поэта: «Сохраняя любовь и память к своему изначальному, к родимой деревеньке, городу, речке детства, мы тем самым сохраняем любовь к Отчизне и даже больше – ко всему живому на земле».

Среди стихотворений Рубцова, воспевающих «маленькую», «тихую» Родину – место своего детства, - выделим следующие: «Тихая моя родина», «Ночь на родине», «Родная деревня», «Ферапонтово», «Давай, Земля, немножко отдохнём...», «В полях

сверкало. Близилась гроза...», «Привет, Россия...», «Деревенские ночи» и многие другие. Стихотворение «Тихая моя родина» в этом списке не случайно стоит первым. Оно – лейтмотив остальных произведений, его можно поставить эпиграфом ко всему творчеству поэта.

Лирический герой приезжает в родную деревню, где очень давно не был. С тех пор, когда он был мальчиком, здесь многое изменилось. Герой горько сетует:

Купол церковной обители
Яркой травой зарос.
Там, где я плавал за рыбами,
Сено гребут в сеновал:
Между речными изгибами
Вырыли люди канал.

Результатом этого вмешательства стало превращение радостной речной излучины в болото. Место светлых ребяческих игр затянута тиной, это слово дважды возникает в одной строке:

Тина теперь и болотина
Там, где купаться любил...

А лирический герой помнит эту речку прежней, *неприкосновенной* (курсив мой. – А.К.) Стихотворение написано в 1964 году, а тремя годами позже Рубцов написал стихотворение «Природа», которое тематически перекликается с предыдущим:

Звенит, смеётся, как младенец.
И смотрит солнышку вослед -
И меж домов, берёз, полениц
Горит, струясь, небесный свет!

Перед нами – природа в своей первозданной чистоте и красоте. Природа такая, какой её создал Бог.

И сладко, сладко ночью звёздной
Ей снится лёгкий скрип телег...

Появляется человек со своими целями, требованиями, и природа, не желая смириться с тем, что нарушили её законы, начинает грозно гневаться. Но даже в этой «гибельной борьбе» она «...внушает не ужас допотопный, // Но поклонение себе...».

Любовь к родной природе, по мысли Николая Рубцова, человек должен воспитывать в себе с детства. Ярким доказательством этого служит один из «Осенних этюдов», в котором поэт рисует маленькую девочку, которая приходит к «старой, как Русь, берёзе» и плачет:

...И так шумит над девочкой берёза
И так вздыхает горестно и страстно,
Как будто человеческою речью
Она желает что-то рассказать.

Что именно хочет рассказать девочке берёза – неизвестно. Да это и не удивительно – ведь «гармония с природой – недостижимая, но необходимо желанная, искомая жизненная потребность». Вне этой потребности человек перестаёт быть человеком, утрачивает своё истинное назначение. И существование природы также не мыслимо без человека: «Самоценность природы в её нерасторжимости и цельности, в её вечной сопричастности к духовному бытию человека...». Именно поэтому в этюде о девочке и берёзе поэт патетически восклицает: «Они друг другу так необходимы!».

Любовь к родному краю, к его бесконечным просторам – это самое дорогое, что есть у человека:

Привет, Россия – родина моя!
Сильнее бурь, сильнее всякой воли
Любовь к твоим овинам у жнивья,
Любовь к тебе, изба в лазурном поле.
За все хоромы я не отдаю
Свой низкий дом с крапивой под оконцем...

Необходимо отметить, что свою любовь к «тихой» Родине Николай Рубцов выражает устами простого человека. В

стихотворении «Жар-птица» читатели становятся свидетелями диалога лирического героя и пастуха, который советует:

...полюби и жалей,
И помни
хотя бы родную окрестность,
Вот этот десяток холмов и полей...

Деревенских жителей в этом стихотворении Рубцов называет «лучшими людьми». И действительно, простые люди в его поэзии наделены самыми высокими чертами – самоотверженностью, искренностью, благородством, бескорытием...

Для примера возьмём стихотворение «Русский огонёк». Заблудившийся в зимнем поле путник, благодаря хозяйку избы – женщину, потерявшую на войне близких, – за приют и тёплую одежду, пытается дать ей деньги, на что она ему отвечает: «Господь с тобой! Мы денег не берём!»

Хозяйка говорит «мы», что свидетельствует о том, что эта добрая женщина является олицетворением всего простого народа, за добро и любовь которого допустимо платить только добром и любовью. Уходя, путник от чистого сердца говорит ей:

... - желаю вам здоровья!
За всё добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Поэт признавался: «Давно уже в сельской жизни происходят крупные изменения, но до меня всё же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического». Именно о такой «старинной русской самобытности» идёт речь в стихотворении «По вечерам»:

Какая жизнь отликовала,
Отгоревала, отошла!
И всё ж я слышу с перевала,
Как веет здесь, чем Русь жила.

Поэт верит, что она не прошла бесследно, не канула в Лету, не умерла, а только погрузилась в сон:

...Лежат развалины собора,
Как будто спит бывлая Русь. (курсив мой. – А.К.)

Самым пронзительным стихотворением Рубцова является для меня «Видения на холме». И здесь мы видим единство человека и природы, которое помогает приблизить «картины» далёкого прошлого Родины:

Взбегу на холм
и упаду в траву.
И древностью повеет вдруг из дола!
И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Настоящее затмевают печальные страницы прошлого:

Пустынный свет на звёздных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батяя...

Поэт не проявляет бессердечного равнодушия по отношению к горькому прошлому своей страны. Он любит Родину именно за её страдания, испытания:

Россия, Русь – куда я ни взгляну...
За все твои страдания и битвы (курсив мой. – А.К.)
Люблю твою, Россия, старину,
Твои леса, погосты и молитвы,
Люблю твои избушки и цветы,
И небеса, горящие от зноя,
И шёпот ив у омутной воды,
Люблю навек, до вечного покоя...

Да, любить Родину именно за страдания, за испытания – великий подвиг, так как именно благодаря им человек приходит к счастью, к гармонии, о чём писал ещё В.Г.Белинский. Страдание, с его точки зрения, это «блаженство своего рода <...>, необходимое состояние духа, не изведав которого, человек не изведает и истинной любви, а, следовательно, истинного блаженства».

Поэт обращается к Родине: «Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Он чувствует ответственность за её будущее, чувствует, что прошлое может вновь напомнить о себе:

Смотри, опять в леса твои и доли
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.
Они несут на флагах чёрный крест,
Они крестами небо закрестили,
И не леса мне видятся окрест,
А лес крестов

в окрестностях

России.

«Лес крестов» - это нелёгкий исторический путь России, боль за её прошлое, настоящее и будущее. Но нет больше сил видеть, как страдает народ, нет больше сил страдать самому.

Лирический герой отводит от глаз ладони и видит, как

...смирно на лугу
Траву жуют стреноженные кони.
Заржут они – и где-то у осин
Подхватит эхо медленное ржанье.
И надо мной –

бессмертных звёзд Руси,
Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...

Это – поэтическая картина мирной жизни, полная красоты, счастья, гармонии, спокойствия.

Закончить свой доклад хочу словами А.В.Науменко: «Стихи, посвящённые теме Родины, способствуют формированию высокой гражданственности, они заставляют преклоняться перед героической историей нашего народа и восхищаться первозданной прелестью окружающего нас мира».

Тютчевские мотивы в лирике Н.Рубцова и Ю.Кузнецова

Очевидность и актуальность постановки проблемы духовного потенциала русской классики ни в недалёком прошлом, ни сегодня не вызывает сомнений и противоречий. Не подлежит даже обсуждению величайшее значение для последующих поколений всего того, что дали современникам и потомкам в духовном, нравственном, морально-этическом, эстетическом планах творения русских гениев М.В.Ломоносова, Г.Р.Державина, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского, А.С.Пушкина, Ф.И.Тютчева, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, И.А.Булгина, С.А.Есенина и др.

Нельзя не вспомнить точных и верных слов В.Я.Брюсова:
«Пушкин, Тютчев, Баратынский – вот три заветных имени для всех, кто любит русские стихи, их произведения – великие образцы нашей поэзии».

Именно это совершенство, высота и возвышенность образа так притягивали к себе внимание не только современников, но и многих последователей. И поэтому, когда речь идёт о потенциале того или иного явления, безусловно, говорится о силе и значении созданного, а также и о силе его влияния. Следовательно, вольно или невольно, но исследователи обращаются к проблеме преемственности, её качества и особенностей развития в разные периоды историко-литературного процесса.

Мотив – древнейшая первобытная форма художественного сознания. Являясь простейшей повествовательной единицей, т.е. частью, элементом сюжета, он в то же время, по-образному

определению А.Н.Веселовского, есть не что иное, как «нервный узел повествования». Более того, учёный склонялся к мысли о том, что последующие поколения только комбинируют завещанные им предыдущей эпохой мотивы и образы, «обязательно вращаясь в их границах, позволяя себе лишь новые комбинации старых».

Часто мотив приближается к образу или даже перерастает в него; может быть одновременно и представителем традиции и знаком новизны; будучи переосмыслен и помещён в иной, новый контекст, по-новому, иначе высвечивает проблему. В лирике часто даже слово становится мотивом, своеобразным камертоном всего переживания лирического героя.

Изучая особенности проявления и влияния тютчевских мотивов в лирике Н.М.Рубцова и Ю.П.Кузнецова, а также и их использования этими поэтами, можно указать на следующее: из множества эмоционально и рационально окрашенных обертонов Ф.И.Тютчева наиболее близкими и часто используемыми оказались мотивы борьбы с бездуховностью личности, гармонии природы и дисгармонии духа, бунтарства личности, страха перед распадом мира, служения Отечеству, веры в Россию и её особенное предназначение.

Как совершенно справедливо отмечал Иван Александрович Ильин, созерцательность – основное свойство русского характера, явилась объединительным началом, основой близости и взаимной притягательности всех наших классиков да и многих наших современников, кстати, уже успевших стать классиками Н.М.Рубцова и Ю.П.Кузнецова. Именно это свойство русского национального характера проявляется в тонкой наблюдательности, выражающейся в умении высокохудожественно запечатлеть различные переходы природных и человеческих, душевных начал.

Считаем совсем не лишним вспомнить здесь точные и удивительно ёмкие характеристики Ф.И.Тютчева, высказанные его современниками. И.С.Аксаков в своей «Биографии Фёдора Ивановича Тютчева» описывает характер поэта так: «Этот человек обладал умом необычайно строгим, прозорливым, не допускавшим никакого самообольщения. Вообще это был

духовный организм, трудно дающийся пониманию: тонкий, сложный, многострунный. Его внутреннее содержание было самого серьёзного качества. Самая способность Тютчева отвлекаться от себя и забывать свою личность объясняется тем, что в основе его духа жило искреннее смирение; однако ж не как христианская добродетель, а, с одной стороны, как прирождённое личное и отчасти народное свойство; с другой стороны, как постоянное философское осознание ограниченности человеческого разума и как постоянное же осознание своей личной нравственной немощи.

Ум сильный и твёрдый – при слабодушии, при бессилии воли, доходившем до немощи; ум зоркий и трезвый – при чувствительности нервов самой тонкой, почти женской, при раздражительности, воспламенимости, одним словом, при творческом процессе души поэта, со всеми её мгновенно вспыхивающими призраками и самообманом; ум деятельный, не знающий ни отдыха, ни истомы – при совершенной неспособности к действию, при усвоенных с детства привычках лени, при неборимом отращении к внешнему труду, к какому бы то ни было принуждению; ум постоянно голодный, пытливый, серьёзный, сосредоточенно проникавший во все вопросы истории, философии, знания; душа, ненасытно жаждущая наслаждений, волнений, рассеяния, страстно отдававшаяся впечатлениям текущего дня.

Дух мыслящий, неуклонно сознающий ограниченность человеческого ума, но в котором сознание и чувство этой ограниченности не довольно восполнялось живительным началом веры; вера, признаваемая умом, призываемая сердцем, но не владевшая ими всецело, не управлявшая волею, недостаточно освящавшая жизнь, а потому не вносившая в неё ни гармонии, ни единства... В этой двойственности, в этом противоречии и заключался трагизм его существования. Он не находил ни успокоения своей мысли, ни мира своей душе.

А.П.Плетнёв в воспоминаниях о Ф.И.Тютчеве отмечал: «Как русский, он любил Россию, какова она есть, понимал и сочувствовал её идеалам, но вместе с тем и не отвергал всё то хорошее, что он видел на Западе».

Всё это, отразившееся в творчестве поэта, не могло не привлекать не только современников, но и потомков; не могло не вызывать творческого интереса у последователей. Поэтому не только мотивы тютчевской лирики стали объектом изучения, использования последующими поколениями, но и жизнь и судьба Фёдора Ивановича часто воплощаются в образе лирического героя того или иного произведения. К примеру, «Приезд Тютчева» и «Я переписывать не стану...» Н.М.Рубцова и «На родине Тютчева» Ю.П.Кузнецова.

Известно, с каким уважением и почтением относился к историческому прошлому Н.М.Рубцов, с какой особенной любовью говорил о А.С. Пушкине, Ф.И.Тютчеве, С.А.Есенине. В одном из стихотворений он признавался, что «переписывать не станет из книги Тютчева и Фета», но «проверить искреннее слово» у классиков всегда мечтал. И, главное, надеялся, что сможет «Книгу Тютчева и Фета продолжить книгою Рубцова».

Раздумья о бытии человеческом всегда были главными спутниками Н.М.Рубцова. В этом он сближается с Ф.И.Тютчевым, одновременно и использует его мотив веры в своё Отечество. Примером тому – одно из ранних стихотворений «Мачты». Оно занимает особое место в ранней лирике поэта, поскольку ясно обозначает исток главной темы творчества. «Если бы Рубцов написал только одно стихотворение «Мачты», уже можно было бы определить тип его художественного мышления: и его оптимистическую концепцию жизни, и высокую культуру элегического мастерства по линии «отталкивания» от тютчевской традиции, и его поэтическую чуткость к взаимопроникновению есенинского и маяковского начал в самой природе художественного образа».

Первую попытку Н.М.Рубцова взглянуть на мир абстрактно можно назвать удачной.

Поэт оставил свой конкретный, «вещный» мир» так знакомый ему до самых мелких подробностей, и обратился к области совсем неизвестной. Сделано это, на наш взгляд, смело и талантливо. Нетрудно заметить, что именно в этом стихотворении впервые Н.М.Рубцов обнаруживает пристрастие к символике. В самом названии уже заключен символ веры в надежность

человеческой конкретной жизни, а символ конца предстает в образах сумрака и забвения. Особенно удачен метафорический образ «надёжных мачт», воплощающий веру в вечность бытия человечества.

В одном из ранних стихов поэт обозначил сильное стремление к обобщению, что свидетельствует, на наш взгляд, о присутствии в миропонимании Н.М.Рубцова генетически заложенного стремления к созерцательности и, как следствие того – близости к народному, национально русскому восприятию природы как божественного совершенства. А отсюда и ярко выраженный мотив веры в силу и надёжность русского национального бытия, что, по сути, является традиционным продолжением тютчевского мотива веры в Россию:

Все я верю, воспрянувши духом,
В грозное своё бытиё
И не верю настойчивым слухам,
Будто все перейдет в забытьё.

При внешне спокойном описании происходящего стихотворение в целом очень динамично. Его скрытый двигательный центр – мысль поэта, обращенная к неведомым стихиям. Динамика её подчеркнута созерцанием звезд над бездной морской «человеческой вечной тоской», наблюдением и над самой бездной.

Интересно, что философское осознание мира у Н.М.Рубцова присутствует и в любовной лирике. Вот, к примеру, стихотворение «Слез не лей», в котором любовный мотив, благодаря акценту на переменчивости, переходности чувств лирического героя, чей образ «проявляется» в полутонах, полужестах, – сродни тютчевскому, выражающему, как известно, всю силу переживаемых противоречий:

Есть пора — души моей отрада:
Зыбко все, но зелено уже!
Есть пора осеннего распада.
Это тоже родственно душе.

Логически выделив лучшие качества лирического героя, автор

подчеркивает его неординарность, умение чувствовать прекрасное, дорожить им. Сдержанный (внешне) тон стихотворения содержит большую внутреннюю энергию чувства, материализующуюся то в неожиданных желаниях — «тянет на болото», то в парадоксальности некоторых высказываний: «в эти дни дороже мне бывают и дела, и образы утрат». И в этом тоже видится следование Н.М.Рубцовым тютчевскому мотиву противоречий личности, ищущей способа выразить себя («как сердцу высказать себя?»).

Поздние стихи о любви не только сдержанны, — в ряде случаев до очевидности суровы. В них все чаще прорывается большая требовательность к себе, к своим чувствам и мыслям. Порой поэт сам обвиняет себя в том, что случилось. Того, кто забывает, «что такое любовь», постигнет, по мнению автора, тяжелая расплата — одиночество, «безобразье, идущее по следу», от которого нельзя избавиться. Понимание же совершённой ошибки даётся лирическому герою совсем не легко:

Неприкаянный, мрачный, ночной,
Я тревожно уйду по метели.

В стихотворении «Утро утраты» весьма заметна тяга поэта к лирическому обобщению. Не случайно он всё чаще вспоминает осень, подчеркивающую настроения лирического героя. По всей видимости, это его любимое время года, когда легче всего думается и когда более всего ощущается предрасположенность к подведению итогов своего бытия:

Облетают листья, уплывают
Мимо голых веток и оград...
В эти дни дороже мне бывают
И дела, и образы утрат.

Именно осенью у поэта чаще всего случается прикосновение к тайне природы: «Не порвать мне мучительной связи // С долгой осенью нашей земли». Заметим, что Н.М.Рубцов совсем не случайно в пейзажной лирике выделял особо момент связи

человека с природой, ибо считал, что в это время года ему «открывались» тайны цветов, «белеющих во мгле», и он ощущал себя «выраженьем осени живым». Поэт любил наблюдать различные состояния природы, проникаться этими состояниями. Синтезируя чистую наивность незамутненной души с опытом зрелого человека, он обретает устойчивое жизненное и поэтическое кредо: «И, разлюбив вот эту красоту, // Я не создам, наверное, другую». И в этом также видится продолжение и развитие тютчевского мотива «всем проникнуться и всё пережить». Более того, именно в созерцании гармонии природы русский человек приближается к божественному, священному, цельному, учится созиданию у Всевышнего. Именно это и одухотворяет личность, формирует её высокую нравственность.

В лирическом этюде «Гололедица» Н.М.Рубцов, описывая созвездие Большой Медведицы, её свет, отражающийся в гололедице, создает психологически объёмный образ человеческого бытия. Созерцание красоты заснеженного сада рождает в авторе строк столько мысли и чувства, и грации, что он от изначального незнания «куда повернуть» вдруг обретает способность всем существом проникнуть в суть природного явления: «В тусклом свете блестя, гололедица // Предо мной обозначила путь...»

Для Рубцова было характерным такое самоуглубление... как от «Звезды полей», от красоты родной земли он шёл к Вифлеемской звезде, к нравственным ценностям.

Острое ощущение многомерности факта или явления у поэта нашло отражение во втором плане произведения. Так, к примеру, в стихотворении «Зимняя ночь» зримое, реальное словно бы отсутствует, а лирический герой оказывается один на один с таинственным, неведомым. Неизвестный «кто-то», рёв метели странно настораживают и пугают его, не позволяя разгадать тайну: «Есть какая-то вечная тайна // В этом жалобном плаче ночном». Подтекст рубцовских стихов богат оттенками и полутонами. Таинственность образов земной красоты способна возникнуть из грёзы молящейся души автора и возвыситься до небывалого «дива», представленного в лице конкретной деревни, воспринимаемой им как самое святое на земле. Часты в лирике Н.М.Рубцова образы природы в ореоле святости, возвышенности.

Свойственна им и некоторая символичность: «вечная зима», «размытая дорога» и др. Эти символы выступают, как правило, в роли вечной человеческой неустроенности, неуютности, неопределенности. Романтическая же окрашенность пейзажной лирики Н.М.Рубцова исходит от его стремления пробудить в людях острую необходимость увидеть красоту земли, возвеличить её.

В стихотворении «Во время грозы» поэт акцентирует внимание на степени проявления грозных, неподвластных человеку сил природы и на глубине их понимания: «Внезапно небо провалилось, // С холодным пламенем и громом». Ощущение внезапности, непредсказуемости происходящих событий передаётся с помощью отрывистых, коротких стихотворных строк, оборванности ритма: «Молнии кромсали мрак», «Туча шла гора горой», «Металось стадо». И лишь вечная красота земли сохраняет святое спокойствие. В этом стихотворении автор – только наблюдатель, который, однако, ощущает свою внутреннюю связь с буйством стихии. Не случаен здесь и приём обрамления: «Небо прорвалось» – с этого началось описание, и «Всё раскалывалась высь» – его завершение. Кроме того, образ несущихся ввысь стрел молний символизирует собой движение мысли человека, её извечное стремление в тревожный, неведомый мир.

Связь времён, ощущаемая во многих стихах о природе, изображается Н.Рубцовым в вечном существовании противоречий между возможностью понимания происходящего и чувством, подсказывающим трагическую обречённость человека.

Есть у него интересные пейзажные стихи философского характера, в которых социальные и социально-исторические начала, а также нравственно-философские коллизии выявляются «через сугубо опосредованные, «скрытые» формы их существования – через пейзаж, душевное движение, мгновения эмоциональных озарений, когда «бытийное» обнаруживает себя в нюансе, штрихе, «пустяке». Это так называемые городские стихи «вологодского» периода. Наиболее интересными считаем «Вечерние стихи» и «Вологодский пейзаж». Стихотворения, посвященные городскому укладу, не столь близкому поэту, как деревенский, интересны тем, что в них автор попытался понять

бытие горожанина, состоящего в иных отношениях с окружающей природой, чем деревенский житель. Именно поэтому в «Вечерних стихах» природа – фон, некое сопроводительное начало, лишь способствующее действиям, мыслям, чувствам и настроениям человека, но не определяющее их. Городской человек воспринимает природу умозрительно, чем и отличается от самого автора, которому трагически недостаёт природы за городским окном. Словно бы вырываясь из городского плена, поэт с большой радостью уезжает домой на катере «с таким родным на мачте огоньком». А когда ему это не удаётся, то он в самом городе старается найти приметы деревни: «Поёт, как в деревне, петух // На площади главной...» или: «Повозка порой громнёт через мост» и др.

Иное по тональности стихотворение «Вологодский пейзаж». Панорама города описана с большой симпатией. Уважением к историческому прошлому Вологды пронизана каждая строка, выражающая радость поэта по поводу перемен «пейзажа, меняющего обличье». Н.М.Рубцов ощущает динамику современности, рисует конкретную картину дня сегодняшнего: «где строят мост, где роют яму», «автобус бежит по линии шестой» и др. Но и при этом обращает внимание читателя на дистанцированности, отстранённости лирического героя от окружающей его природы: всю картину он видит «со стороны», не вписываясь в неё.

Нельзя не сказать и о том, что поиски Н.М.Рубцовым смысла бытия реализовались не только в пейзажной лирике, но и в элегиях исторического цикла, к которым естественно «примыкают» стихи-посвящения поэтам-классикам и современникам.

Создавая достоверную картину исторического прошлого своего Отечества, размышляя над ним, поэт стремится понять и современное. Осмысление феномена непреходящего сопровождалось у него сильными эмоциональными всплесками, сконцентрировавшимися в призыве: «Россия, Русь! Храни себя, храни!». Панорамное же изображение исторического прошлого в романтических красках придаёт историческим элегиям особый эмоциональный накал и проникновенность.

Историзм и феноменальная духовность многих поздних стихов

Н.М.Рубцова, их открытость миру, людям позволяли критикам тех лет прогнозировать большое будущее поэту. Однако и то, что им создано за очень короткую творческую жизнь, до сих пор вызывает неподдельный интерес литературоведов. Вот, к примеру, стихотворение «Душа хранит», в котором всё подчинено главной мысли о непреходящем значении вечной красоты:

Как будто древний этот вид
Раз навсегда запечатлён
В душе, которая хранит
Всю красоту былых времён.

Не только созерцание «Красоты былых времён», но и осмысление её формирует у человека тонкой природы чувство преклонения перед первозданностью. Лирический герой в таких ситуациях, как правило, неразрывно связан с историческими судьбами его земли, он осознает себя «отроком удивительных, вольных племён». Чутко улавливая движение истории народа, поэт способен соединять в своём мироощущении чувства сиюминутные с вечными, понимать особенность взаимопроникновения времён – настоящего с прошлым и будущим: «Я буду скакать по следам миновавших времён». Кроме того, он ощущает себя человеком, вбирающим коллизии и противоречия эпохи в пределы своего духовного мира.

Своеобразным способом познания мира поэтом стала работа над циклом стихотворений-посвящений. Их довольно много, и обращены они к разным художникам, личности которых не переставали интересовать его на протяжении всего творчества: «Последний пароход», «Памяти Анциферова», «Левитану», «Последняя ночь», «Дуэль», «О Пушкине», «Приезд Тютчева», «Последняя осень», «С.Есенин» и др.

«Я на семинаре зачитал Ваши стихи – из новых. Особенно понравились о Тютчеве, а также четыре строки о Пушкине...», – так чуткий учитель Н.Н.Сидоренко, в семинаре которого обучался Н.М.Рубцов, поддержал начинание молодого поэта и, видимо, укрепил его желание продолжить работу над циклом.

Лирическая миниатюра «О Пушкине» – это своего рода скон-

центрированная мысль о величии и гениальности своего предшественника и, что кажется также важным, выражение глубоко верного понимания темы поэта и поэзии:

Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье свое,
Отразил он всю душу России
И погиб, отражая её...

В стихотворении «Приезд Тютчева», отмеченном как удачное Н.Н.Сидоренко, поэт использует известный тютчевский мотив непредсказуемости слова: «нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...». Н.М.Рубцов тонко отметил в своём стихотворении глубинную сущность великого философа и лирика Ф.И.Тютчева: его совершенное владение словом, его постоянное стремление всё познать и всё пройти, его умение тончайшие переливы чувств и переживаний выразить в божественном слове, причём, как видим, именно на слове поставлен акцент:

А он блистал, как сын природы,
Играя взглядом и умом....
И сны Венеции прекрасной,
И грустной родины привет –
Всё отражалось в слове ясном
И поражало высший свет.

В отличие от Н.М.Рубцова Ю.П.Кузнецов не соотносил себя и своё творчество с той или иной линией русской классической традиции. Более того, он утверждался в 70–е годы как художник–новатор, смело использовавший самую необычную и яркую метафору, порой даже на грани эксперимента. Но уже в середине 80–х поэт осознал, что путь экспериментаторства для настоящего творца неприемлем, ведёт в тупик. К этому времени относится небольшое стихотворение поэта, в котором он высказал мысль, созвучную тютчевской о том, кто и как способен выразить себя и, к сожалению, среди современников пока он видит только Н.И.Тряпкина и Н.М.Рубцова, да и то в роли поэтов «русской

резервации»: «Открытий нет, одни новации, Обезголосел быт отцов. Молчите, Тряпкин и Рубцов, поэты русской резервации!».

В одном из интервью «Литературной России» от 13 декабря 1996 года Ю.Кузнецов высказал серьёзную озабоченность состоянием русской литературы 90-х годов и так определил её задачи: «...защита русского языка... Никогда ещё в России не было такого страшного времени в своей бездуховности. Это духовный геноцид. Прислушайтесь: все русские писатели – плохие. Вся история – страшный кошмар. У нас нет героев, нет философов, у нас медведи по улицам бродят. Все модные крикуны считают, что придерживаться вышеуказанного мнения – неременный атрибут современности».

Печатается с сокращениями. Полный текст будет опубликован на сайте www.rubcow.ru